

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.019-033

Е. Г. Комиссарова*

Тайна усыновления в семейном праве постмодерна: новые подходы к старым канонам

Аннотация. Заданный советским законодателем баланс секретности, зафиксированный в нормативной конструкции тайны усыновления, многим фамилистам постмодерна видится несправедливым и негармоничным последствием усыновления. Отечественная доктрина вмешивается в эту проблему, однако чаще по-научному безуспешно. Автор стремится научно описать целостное и объективное видение тайны усыновления, извлекая для этой цели из текущих гуманитарных дискурсов объединяющие темы, такие как право ребенка на идентичность и право знать свое происхождение, объединяя эти междисциплинарные аспекты в единую аналитическую структуру, уместную для будущих юридических исследований тайны усыновления. Обращаясь к этой структуре, автор избегает трихотомии. Тайна усыновления, право личности на идентичность и право ребенка знать свое происхождение исследуются как взаимопроникающие социальные и правовые явления. Концептуальная мысль автора построена на обосновании теоретического суждения о том, что теоретическая конструкция тайны усыновления сегодня уже не может исследоваться как абсолютно изолированная и автономная конструкция, научное внимание к которой обычно ограничено суждениями о том, кому эта тайна выгодна. В эту тему надлежит привнести новые теоретические акценты, способные видоизменить традиционное восприятие тайны усыновления лишь как акта статичного, фиксирующего факт усыновления и скрывающего этот факт от публики. Исследование носит междисциплинарный и сравнительно-правовой характер. Итоговый вывод статьи состоит в том, что усыновленные дети страдают от незнания своих биологических корней не из-за тайны усыновления, а тогда, когда государство отказывает им в доступе к знаниям о своем происхождении, не обеспечивая детям старше определенного возраста или взрослым усыновленным доступа к информации об их детской истории. Такая политика отказа от хранения информации о генетических и социальных корнях усыновленного и отсутствия доступа к ней в условиях сегодняшнего дня по отношению к усыновленным детям выглядит дискриминационной.

Ключевые слова: тайна усыновления; закрытое усыновление; секретность; биологические и социальные секреты; идентификация личности; право ребенка знать свое происхождение; семейные тайны; семейное право.

Для цитирования: Комиссарова Е. Г. Тайна усыновления в семейном праве постмодерна: новые подходы к старым канонам // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 3. — С. 19–33. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.019-033.

The Adoption Secret in Postmodern Family Law: New Approaches to the Old Canons

Elena G. Komissarova, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law, Perm State National Research University; Professor, Department of Civil Law and Procedure, Tyumen State University
ul. Bukireva, d. 15, Perm, Russia, 614919
eg-komissarova@yandex.ru

Abstract. The balance of secrecy set by the Soviet legislator, enshrined in the normative structure of the secret of adoption, is seen by many postmodern family researchers as an unfair and inharmonious consequence of adoption. The Russian doctrine intervenes in this problem, but more often it does not succeed in a scientific way.

© Комиссарова Е. Г., 2022

* Комиссарова Елена Генриховна, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, профессор кафедры гражданского права и процесса Тюменского государственного университета
ул. Букирева, д. 15, г. Пермь, Россия, 614919
eg-komissarova@yandex.ru

The author seeks to scientifically describe a holistic and objective vision of the adoption secrecy extracting for this purpose from current humanitarian discourses unifying topics such as the child's right to identity and the child's right to know his origin, combining these interdisciplinary aspects into a single analytical structure appropriate for future legal studies of the adoption secrecy. Referring to this structure, the author avoids the trichotomy. The adoption secrecy, the right of the individual to identity and the right of the child to know his origin are investigated as interpenetrating social and legal phenomena. The author's conceptual thought is based on the substantiation of the theoretical judgment that the theoretical construction of the adoption secret today can no longer be investigated as an absolutely isolated and autonomous construction, scientific attention to which is usually limited to judgments about who benefits from this secret. New theoretical accents should be introduced into this topic, which can modify the traditional perception of the adoption secrecy only as a static act, fixing the fact of adoption and hiding this fact from the public. The research is interdisciplinary and comparative in nature. The final conclusion of the paper is that the adopted children suffer from ignorance of their biological roots not because of the secrecy of adoption, but when the state denies them access to knowledge about their origin, not providing children over a certain age or adult adoptees with access to information about their childhood history. Such a policy of refusing to store information about genetic and social roots of an adopted child and the lack of access to it in today's conditions in relation to adopted children looks discriminatory.

Keywords: secret of adoption; closed adoption; secrecy; biological and social secrets; identity identification; right of the child to know his origin; family secrets; family law.

Cite as: Komissarova EG. Tayna usynovleniya v semeynom prave postmoderna: novye podkhody k starym kanonom [The Adoption Secret in Postmodern Family Law: New Approaches to the Old Canons]. *Lex russica*. 2022;75(3):19-33. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.019-033. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Вечность юридических фикций, безвозвратно отсекающих генетическое родство усыновленного ребенка, в XXI в. оказалась небесспорной. Хорошо это или плохо, отечественная юриспруденция пока не разобралась, хотя и проявила к проблеме тайны усыновления масштабное внимание. Исследования, посвященные ей, удивляют количеством, склоняя к предположению о том, что эта научная тема обрела статус удобной и, не исключено, модной, позволяя авторам, задумавшимся о том, «чем бы заняться, о чем бы написать»¹, прикоснуться к актуальным в международном, внутривнутриполитическом, социальном и правовом отношении вопросам.

Суждениям о тайне усыновления — описательным, констатирующим, категоричным и тем, что основаны на чистой целесообразности, — несть числа. Из всего имеющегося доктринального богатства, накопленного за последнее двадцатилетие, так и не удается по-

лучить конструктивные ответы на те вопросы, что зародились в теории и практике усыновления на фоне «их взлета и падения в XXI в.»². Аргументированных суждений, основанных на предостерегающей максиме о том, что «любые обобщения об усыновлении должны делаться осторожно»³, явно недостает. Методологический компонент большинства высказанных суждений оставляет желать лучшего из-за недостаточной ориентированности на гармонию классического и эволюционирующего, национального и международного, этического и правового.

В стремлении привнести в научно-теоретическое пространство эту гармонию и открыть новые теоретические ниши в исследовании тайны усыновления автор выстраивает свои суждения на основе сведения в единую научно-теоретическую конструкцию во многом разрозненных доктринальных взглядов на проблему идентичности личности, тайну усыновления как юридическую конструкцию и позитивное право

¹ Белов В. А. Российское частное право: чем бы заняться, о чем бы написать? // Законодательство. 2017. № 6. С. 33–50.

² Selman P. The rise and fall of international adoption in the 21st century // International Social Work. 2009. 52 (5). S. 575–594. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-rise-and-fall-of-intercountry-adoption-in-the-Selman/42fcc8a9bf514d7bf36ec492d4ed3c81da3d8ced> (дата обращения: 20.11.2021).

³ Grotevant H. D. Family processes, identity development and behavioral outcome for adopted adolescents. Journal of Adolescent Research. 1997. 12. P. 139–161. URL: <https://doi.org/10.1177/0743554897121008> (дата обращения: 20.11.2021).

ребенка знать свое происхождение. Отдельные попытки связать некоторые из этих аспектов уже предпринимались в семейно-правовой доктрине⁴, но оказались незавершенными по причине недостаточной методологической выверенности.

В основе предлагаемой в статье теоретической концепции лежит суждение о том, что все три названных аспекта образуют триаду, состоящую во взаимной зависимости между собой. Как минимум это даст возможность отсечь весь тот объемный пласт исследований, где логика повествования, обращенная в сторону «за» или «против» тайны усыновления, больше похожа на вымышленную, имея опору в потоке вторичного знания и эмпирических ассоциациях, нежели на научную. Как максимум — даст возможность выйти теме усыновления и ее составляющим из центробежного круга того развития, в котором она пребывает последнее десятилетие, направив ее по пути наращивания нового прогрессивного знания.

Семейные тайны и личная идентичность в теме усыновления

В свете развития практик усыновления и необходимости их подчинения не только национальному законодательству, но и европейскому довольно наглядно проявился спектр вопросов, которые выходят за рамки юриспруденции, имея отношение к таким областям гуманитарного знания, как психология, генеалогия, генетика, демография, социология, антропология. Предметное внимание юриспруденции к этому междисциплинарному ресурсу — хорошее подспорье, помогающее упорядочить весь тот объяснительный потенциал, который, имея отношение к проблеме индивидуальной идентичности, часто стихийно, а не продуманно вовлекается в текущий юридический дискурс при исследовании проблем тайны усыновления.

Тема индивидуальной идентичности стала мощной культурной темой современности, имея маркер «сколь непостижимой, столь и всепроникающей»⁵. Как такового консенсуса о

том, какое значение имеет идентичность личности и какова сфера ее охвата, в доктрине нет. Считается, что этот человеческий профиль является многомерным, отражаясь как в идентифицирующей информации (имя, место жительства), так и неидентифицирующей (дата, место рождения, физическое описание, этническая и религиозная принадлежность, семейное положение и статус биологического родителя, образование, наличие братьев и сестер).

Для конкретной личности идентичность, сопоставимая с психологическим достоинством, представляет собой ее психологическую ценность, формирующуюся под воздействием наследственности и среды. Исследование этой ценности относится к группе психологических проблем, связывающих понятие личной идентичности с обращением к внутреннему миру человека (мысли, чувства, мотивы), основанному на подсознательной саморефлексии. Яркие суждения об идентичности, личности, помогающие создать объединяющее знание об этом явлении, высказал немецкий психолог Э. Эриксон, указавший на идентичность как на состояние самосогласованности человека, в котором есть «ощущение того, что ты дома в своем теле, ощущение знания, куда идешь...»⁶.

Понятие личной идентичности в психологии считается парным, существуя в связке с понятием «кризис идентичности», отражающим состояние психологического потрясения на фоне беспокойства или неуверенности в том, что какой-то аспект идентичности не имеет естественного и отслеживаемого начала. Отсюда тот терминологический ряд, который обозначает состояния, возникающие при возникновении проблем с личной идентичностью: недостаток информации, потеря, недоумение, отсутствие эмоциональной безопасности, фантазии, поиск своего происхождения, вымысел, сокрытие. В середине XX в. с помощью этих терминов английский психолог Х. Дж. Сантс описал возможные эффекты усыновления в своей влиятельной работе под названием «Генеалогическое недоумение у детей с замещающими родителями». Ведущий тезис автора состоял в том, что незнание детьми того факта, от кого

⁴ Темникова Н. А. Государственная регистрация усыновления (удочерения) в свете перехода к открытому усыновлению // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 2 (35). С. 92–97; Иванова Н. А. К вопросу о тайне усыновления (удочерения) детей // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 1 (126). С. 109–111.

⁵ Erickson E. H. Youth Identity and Crisis. New York — London, 1968.

⁶ Erickson E. H. Op. cit.

они произошли, может привести их в недоумение, вызвать сильное замешательство и оказать негативное влияние на личностный рост усыновленного ребенка, отсюда берет начало их неустанный стремление отыскать факты своего происхождения⁷.

США и Англия стали странами, где были проведены значимые гуманитарные исследования, связанные с изучением психологических последствий, испытываемых усыновленными в связи с отрывом от биологических корней. По их итогам было отмечено, что «многие усыновленные испытывают трудности с установлением чувства идентичности»⁸. Это равносильно «лишению чувства контроля над собственной жизнью»⁹, которое становится стимулом к поисковой активности¹⁰.

Правило об обязанности государств помогать и защищать ребенка, незаконно лишеного части или всех элементов своей индивидуальности, для скорейшего ее восстановления содержится в ст. 8 Конвенции о правах ребенка¹¹. Конвенционное закрепление этого детского права и имплицитное упоминание о нем в международных договорах и национальных конституциях дает основания считать, что оно включено в европейский каталог прав человека. Однако не всё так однозначно.

Точное содержание права на идентичность, как и обязанности государств, корреспондирующих этому праву, остаются не до конца ясными даже для составителей Конвенции о правах

ребенка, склонившихся к широкому видению права на идентичность. В связи с этим комментаторы Конвенции заключают, что личная история ребенка с момента рождения (где он жил, кто присматривал за ним до отрыва от биологической семьи и почему были приняты важные решения), так же как и имя, национальность и семья, — это элементы идентичности¹².

Юридические попытки объяснить диапазон возможностей, связанных с идентичностью, привели к констатации того, что это право носит «чисто иллюстративный характер»¹³. Попытки разложить его составляющие по юридическим полочкам ограничились присвоением ему статуса всеобъемлющего права, охватывающего конститутивные права ребенка или основного права, концептуально объединяющего ряд смежных прав.

Недостаток юридических квалификаций права личности на идентичность вполне компенсируется правовыми знаниями о праве ребенка знать свое происхождение, чему посвящен отдельный подраздел настоящей статьи. Если же рассуждать об итогах вовлечения в познание идентичности усыновленного знаний из смежных гуманитарных наук, то неправовой расклад оказывается следующим. На одной стороне усыновленный ребенок, чье легально отвергнутое биологическое происхождение в любой момент может взять верх над юридическими фикциями. На другой стороне усыновители — носители тайны усыновления, обречен-

⁷ *Sants H. J.* Genealogical perplexity in children with substitute parents // *Br J. Med Psychol.* 1964. Vol. 37. P. 139. URL: <https://bpspsychub.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.2044-8341.1964.tb01981.x> (дата обращения: 20.11.2021).

⁸ *Beauchesne L. M.* As if born for: The social construction of a position of scarce identity for adopted persons (dissertation of D. S. V.). Wilfrid Laurier University, 1997. 306 p. URL: <https://scholars.wlu.ca/etd/213/> (дата обращения: 20.11.2021).

⁹ *Carsten J.* Connections and Disconnections of Memory and Kinship in Narratives of Adoption Reunions in Scotland // *In Ghosts of Memory: Essays on Remembrance and Relatedness* / Ed. by J. Carsten. Oxford : Blackwell, 2007. P. 421–422. URL: <https://edinburgh.academia.edu/JanetCarsten> (дата обращения: 20.11.2021).

¹⁰ *Rushbrook R.* The proportion of adoptees who received birth records in England and Wales, *Population Trends* (104). UK Office of National Statistics, 2001. P. 26–34 ; *Clapton J.* Family stories and family secrets: Recent discoveries 2021 // URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1640244222&tld=ru&lang=en&name> (дата обращения: 20.11.2021).

¹¹ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.). // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

¹² *Zermatten J.* Implementation handbook for the convention on the rights of the child. Completely revised third edition. United Nations Children's Fund 2007 // URL: <https://www.unicef.org/lac/media/22071/file/Implementation%20Handbook%20for%20the%20CRC.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).

¹³ *Cerda S. J.* The Draft Convention on the Rights of the Child: New Rights // 12 HUM. RTS. 1990. P. 115, 117. URL: <https://www.jstor.org/stable/762169?origin=crossref> (дата обращения: 20.11.2021).

ные жить с долгосрочными психологическими последствиями на заднем плане, где всегда виртуально присутствует фигура «настоящих родителей», отягощая законных родителей мыслью о том, стоит ли раскрывать усыновленному ребенку физическую правду и если стоит, то когда. В зарубежной литературе еще в конце XX в. такое положение было поименовано не иначе как «ящик Пандоры»¹⁴.

Как показывает конвенционная практика и практика Европейского Суда по правам человека, способы ослабить это напряжение есть. Это уже чисто юридическая забота, не связанная с обсуждением метафизических вопросов о том, что человеческий разум «неохотно принимает пустые зоны», а неудовлетворенная саморефлексия о «непохожести» на других может отразиться на личностном развитии усыновленного ребенка.

Тайна усыновления как юридическая конструкция

Как и большинство стран, Россия прошла разные этапы в регулировании законного усыновления — открытое в виде формального или неформального «заключения» ребенка в небиологические семьи (первая волна, 1917 г.), фактическое (в годы Второй мировой войны), закрытое (вторая волна, с 1969 г. по сей день). К 1969 году, когда в РСФСР принимался Кодекс о браке и семье¹⁵, европейские законодатели (Франция в 1939 г., Италия в 1942 г., Ирландия в Нидерланды и Швеция в 1950–1952 гг.) не без влияния социального давления, требующего сохранять миф о том, что усыновительские семьи сформированы «как будто» биологически, уже сошлись в общей концепции закрытого (полного) усыновления как способа предоставления

детям, нуждающимся в защите, такого же статуса, который изначально зарезервирован для законных детей.

Середина XX в. была тем временем, когда позор незаконнорожденности и безбрачия, существенно понижающий статус ребенка, еще довлел над Западной Европой и США, стимулируя большинство усыновителей скрывать факт усыновления от посторонних и «хранить секрет усыновления в тайне даже от усыновленного ребенка»¹⁶. Это отвечало правилам закрытого усыновления, позиционируемого как анонимное для всех его участников, именуемых триадой, частью которой был усыновляемый ребенок, считавшийся на самом деле «не участником принятия решения, а частью процесса усыновления»¹⁷.

Неотъемлемым следствием закрытого усыновления является сокрытие самого факта усыновления. Естественным продолжением сокрытия является отсечение всего, что было «до»: невозможность «двойного набора» родителей, «двойной идентичности» (кровная и приемная), допускаемых открытым усыновлением, а также всего того, что препятствует «натурализации нового родительства»¹⁸, «принадлежности» усыновленного новым родителям, которые наделяются правами решать, что ребенок может знать, а что не может¹⁹.

На этих ценностных представлениях строилась правовая культура усыновления закрытого типа во многих странах. Стратегии отдельных государств разнились, находя свое выражение в запечатанных подлинных записях о рождении, в наложении вето на контакты с родственниками «из прошлого», в поощрении желания усыновителей переименовать ребенка. Но цель их была едина — скрыть информацию об истинном статусе усыновительской семьи, ограничить информацию о биологической се-

¹⁴ Bueren V. G. Children's access to adoption records: State discretion or an enforceable international right // *Modern Law Review*. 1995. № 58. P. 39. URL: <https://www.jstor.org/stable/1096370> (дата обращения: 10.11.2021).

¹⁵ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086 (утратил силу).

¹⁶ Mignot J.-F. Child Adoption in Western Europe, 1900–2015 // *Cliometrics of the Family*. 2019. P. 14.

¹⁷ Dambach M., Maurin C. The child's consultation and consent in adoption // Joint Council of Europe and European Commission Conference. Challenges in adoption procedures in Europe: Ensuring the best interests of the child. 30 November — 1 December 2009. Strasbourg, Palais de l'Europe. P. 15.

¹⁸ Ловцова Н. И. Профессионализация родительства: политика, теория и практика // *Антропология профессий* / отв. ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярская-Смирнова. Саратов : Научная книга, 2005. С. 452.

¹⁹ Для усыновленного ребенка старшего возраста, который уже знает свою детскую историю и своих биологических родителей в ней, усыновление обычно имеет открытый характер и о тайне усыновления речь не идет.

мье ребенка, дав ей возможность идти дальше «своим путем», «стереть» предыдущую детскую историю усыновляемого, хранить факт усыновления в секрете от третьих лиц и самого ребенка.

Не без учета этого опыта в РСФСР появилась норма, поименованная как «Обеспечение тайны усыновления» (ст. 110 КоБС РСФСР 1969 г.). Как и любая тайна, она опиралась на жесткие императивы, согласно которым без согласия усыновителей, а в случае их смерти без согласия органов опеки и попечительства воспрещалось сообщать какие-либо сведения об усыновлении, а также выдавать выписки из книг регистрации актов гражданского состояния, из которых было бы видно, что усыновители не являются кровными родителями усыновленного. Вобрав в себя массу юридических обобщений, относящихся к закрытому усыновлению ребенка, норма, заключенная в ст. 110 КоБС РСФСР, стала выполнять роль монумента, символизирующего факт закрытого усыновления.

Не имея формального определения в большинстве законодательств²⁰, тайна усыновления за последние десятилетия сыскала много научного внимания, в том числе и за пределами

юриспруденции, пройдя через многообразные лексические испытания в виде сравнения ее с мифами, психологическими иллюзиями, обманом усыновленного, бедствием в момент позднего открытия, навязанной идентичностью, способом, облегчающим усыновление «детей без прошлого», формой обещания, данного государством исцеленным бездетным усыновителям, а также «подарками» усыновленным от государства²¹ и даже предательством по отношению к тем усыновленным, которые в силу возраста не понимают, что с ними происходит²².

Несмотря на столь неоднозначное доктринальное отношение к тайне усыновления, этот вид тайны сохранился в законодательстве всех государств, поддерживающих форму закрытого (конфиденциального, или секретного) усыновления²³. Причина такого законодательного положения абсолютно ясна: нормативная конструкция тайны усыновления имманентна его законному виду. Закрытое усыновление и тайна усыновления — это дополняющие друг друга правовые реальности. Отказ от тайны усыновления равносителен отказу от закрытого усыновления. В этой научной констатации видится вполне очевидный методологический ориентир

²⁰ Одним из немногих исключений является Закон о семье Эстонской Республики, где в § 164 тайна усыновления определена как информация и данные, относящиеся к досудебному разбирательству и судебному разбирательству по усыновлению, включая факты усыновления, из которых можно предположить, что ребенок усыновлен, или что родители усыновили ребенка, или что родитель или опекун отдали ребенка на усыновление. Цель тайны усыновления состоит в том, чтобы гарантировать защиту частной жизни детей, родителей и приемных родителей, предотвратить нежелательное вмешательство и дискриминацию по признаку происхождения или по любому другому признаку (The Family Law (Perekonnaseadus), RT I 9 мая 2017 № 29 // URL: www.riigiteataja.ee/en/eli/507022018005/consolide (дата обращения: 10.11.2021)).

²¹ Clapton J. Op. cit.

²² Riley H. Confronting the conspiracy of silence and denial of difference for late discovery adoptive persons and donor conceived people // Australian Journal of Adoption. 2013. № 7. P. 5.

²³ Исключения касаются США, Англии, нескольких провинций Канады и штатов Австралии. В этих странах, неуклонно движущихся в сторону открытого усыновления, идея о том, что усыновление — это воспроизведение естественной семьи, начала ослабевать в 70-е гг. прошлого века. Усыновление всё чаще рассматривается как форма социальной поддержки или сконструированного социального родства (суррогатное родительство). Полная секретность не является атрибутом усыновления, которое чаще открытое. Это значит, что биологическим родителям и усыновителям известна некоторая личная информация друг о друге. В этих странах довольно активны движения в защиту прав усыновленных. В США есть Билль о правах усыновленных (URL: <https://consideringadoption.com/adopted/adoptee-rights/adoptee-rights/>), а в оборот соцсетей вошел термин «усыновленный с поздним обнаружением». Согласно данным Википедии, по состоянию на 2021 г. уже 10 штатов в США признают право взрослых усыновленных людей на получение собственных оригинальных свидетельств о рождении. Более подробно об особенностях усыновления в этих странах см.: Holden L. The Open Way of Open Adoption: Helping Your Child Grow Up Healthy, Rowman & Littlefield Publishing, 2013. 228 p. URL: <https://rowman.com/ISBN/9781442217393/The-Open-Hearted-Way-to-Open-Adoption-Helping-Your-Child-Grow-Up-Whole> 3 (дата обращения: 20.11.2021).

для сторонников отказа от тайны усыновления, который часто оказывается невидимым или попросту игнорируемым.

Научные труды, посвященные проблеме тайны усыновления, весьма условно можно разделить на два вида. Труды первого вида посвящены тайне усыновления как таковой с намерением сконструировать ее определение и растолковать функционал этого явления, заданный ему законодателем. В итоговых авторских суждениях мало научной поучительности и много инерции, идущей от законодательных догм: коль есть такая юридическая конструкция, да еще с оттенком деликатности, то ее можно и нужно исследовать, даже если исследование и не сопряжено с созданием нового перспективного знания.

Другой вид исследований устроен на дилемме о том, быть тайне усыновления или не быть. Проявляя определенную чувствительность к международно признанным стандартам прав ребенка, их авторы стремятся к теоретической модернизации концепции тайны усыновления, но таких примеров немного и далеко не все из них удачны. Большинство авторских умозаключений уходят в описательную околотематическую ретроспективу темы усыновления, с высказыванием по ее итогам лапидарных суждений о целесообразности/нецелесообразности сохранения тайны усыновления. Методологические рамки таких исследований чаще всего не ясны, зато хватает эмпирических ассоциаций, блуждающего стиля аргументации с обязательным вкраплением механических отсылок к зарубежному опыту и кратких вставок из психоаналитических моделей. Последние (из уст юристов) чаще всего имеют невысокую степень достоверности в силу их ограниченности фактом простой иллюстрации.

Как было отмечено выше, концепция закрытого усыновления ребенка, ориентированная на аналог кровного родства, вошла в правовое пространство с помощью юридических фикций.

После принятия Конвенции о правах ребенка с ее международным ориентиром на пропорциональное отношение к благополучию детей, а чуть позже Европейской конвенции по усыновлению детей 2008 г. (пересмотренной)²⁴ пришло понимание того, что в закрытом усыновлении и тайне, его защищающей, есть не только статические (фиксирующие) аспекты, но и динамические, имеющие отношение к долгосрочным, пожизненным последствиям тайны усыновления в судьбе усыновленного. Это обнажает понимание того, что фикционные приемы в регулировании этой тайны уже не могут считаться единственно достаточными.

Европейская конвенция по усыновлению детей была пересмотрена в 2008 г. для целей «учета того, что наилучшие интересы ребенка имеют первостепенное значение, и усыновление не должно быть разрешено или отменено, если это требование не выполняется». В Конвенции появилась норма, согласно которой «у суда есть право отменить тайну усыновления, даже если национальные законы допускают анонимность» (п. 3 ст. 22). Россия не является участником этой Конвенции, но норма, заключенная в ее п. 3 ст. 22, уже послужила неформальным ориентиром для российской практики конституционного правоприменения и практики Верховного Суда РФ, шагнувших дальше фикций, наполняющих тайну усыновления²⁵. На данном этапе этот шаг ограничен «слабой версией» идентичности, но неприкасаемое положение, согласно которому от тайны усыновления немыслимо было отклониться, если ее не раскрыли сами усыновители или «добрые люди» с непредсказуемыми последствиями, впервые получило поворот.

Если правовые контексты, изменившие это положение, в силу их иерархичности и присутствия необходимого международного компонента нуждаются в дополнительном отслеживании и обосновании, то новые социальные и политические контексты, складывающиеся

²⁴ Принята Комитетом министров Совета Европы на 118-й сессии 7 мая 2008 г. (ЕТС № 58). Открыта для подписания 27 ноября 2008 г. Ратифицирована Данией, Финляндией, Нидерландами, Норвегией, Румынией, Испанией, Украиной. Вступила в силу 1 сентября 2011 г. (СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2021)).

²⁵ Пункт 4 постановления Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гузиной» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181188/ (дата обращения: 10.12.2021) ; Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. 2018. № 3: определение Верховного Суда РФ № 48-КГ18-16 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2021).

вокруг тайны усыновления сегодня, являются вполне очевидными.

Многое изменилось с приходом донорской концепции, задуманной изначально как анонимная, но постепенно отходящей от абсолютной закрытости. Это привело к тому, что проблема правовых последствий закрытого усыновления для личности ребенка встала в юридическую параллель с последствиями личной идентичности ребенка, рожденного по итогам репродукции. Возможности вспомогательного репродуктивного лечения повлияли и на смену поколений усыновителей, в числе которых стало больше усыновителей подростков, знающих о факте усыновления. Слабее стали и страхи усыновителей перед плохой наследственностью, которая всегда находилась вне сферы права, но благодаря репродуктивным технологиям проникла и в сферу усыновления.

Из всей совокупности этих контекстов следует совсем не формальный и не декларативный посыл, состоящий в том, что сила тотальной секретности, закрытая тайной усыновления, начинает слабеть. Первыми это признали англичане с их культом семьи и исторически развитыми традициями деинституализированного ухода за детьми, заявив о том, что полное сокрытие прошлой истории усыновленного ребенка не является пропорциональным следствием усыновления²⁶. Есть и более жесткие суждения, указывающие на то, что такое положение сродни социально жестокому обращению с ребенком²⁷.

Категоричность приведенных суждений оказывается неплохим стимулом, чтобы задуматься о том, что тайна усыновления — это конструкция как статичная, так и локальная. Она не имеет никакой связи с динамической историей жизни ребенка, который обязательно станет

взрослым. В этом своем собственном значении она выполняет законодательно предписанные ей функции, выступая юридически значимым инструментом, который «защищает семью и род от вмешательства, способствуя их сохранению»²⁸, а усыновленного ребенка от травмирующей информации²⁹.

Ненацеленность этой юридической реальности на то, что «различия в родстве для усыновленного ребенка в долгосрочной перспективе имеют серьезное значение»³⁰ и «бремя, которое несут усыновленные дети, может возрасти по мере того, как они станут взрослыми»³¹, не свидетельство того, что конструкция тайны закрытого усыновления является дискриминационной и отжившей свое. Представляется, что методологически верно рассуждать о ее связи с другими юридическими конструкциями — как реально существующими, так и потенциальными. Одной из последних является право ребенка знать свое истинное происхождение.

Право ребенка знать свое происхождение

Указание в Европейской конвенции по усыновлению детей 2008 г. на право национальных судов ограничивать действие тайны усыновления означает не что иное, как то, что у государства есть или должно быть некое хранилище информации, которое на условиях закона может быть доступно для усыновленных лиц, заинтересованных в знании физической правды.

В странах с продвинутой демократией, чье законодательство исторически чувствительно по отношению к личным правам гражданина, уже есть понимание того, что признание за личностью такого права и участие государства в его реализации — это проявление цивилизованного отношения к ребенку как к личности.

²⁶ Lowe N. & Douglas G. Bromley's family law. Oxford : Oxford University Press, 2007. URL: <https://www.researchgate.net/publication/277016340> (дата обращения: 10.12.2021).

²⁷ Diver A. Law of Blood-ties — The 'Right' to Access Genetic Ancestry. Cham, Heidelberg, New York, Dordrecht, London : Springer, 2014. P. 116. URL: <https://www.corteidh.or.cr/tablas/r32694.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).

²⁸ Щенникова Л. В. Институт тайны усыновления ребенка: проблемы и решения // Наследственное и семейное право: теория и правоприменительная практика : материалы междунар. науч.-практ. конференции. Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2015. С. 355.

²⁹ Телюкина М. В., Куликов Е. С. Тенденция ограничения применения института тайны усыновления // Законодательство. 2019. № 2. С. 43–55.

³⁰ Melosh B. Strangers and kin: The American way of adoption. Harvard University Press, 2002.

³¹ Robertson K. C. Attachment and care-giving behavioral systems in intercountry adoption: A literature review // Children and Youth Services Review. 2006. 28 (7). P. 727.

Цивилизованный стиль означает не только неуклонное соблюдение уже открытых прав, но и «постоянное открытие новых прав, привносимых в жизнь эволюционирующими обществами»³².

Одним из таких «новых» прав, позволяющих рассуждать в теме усыновления не только о запретном, но и о том, что усыновленным разрешено, стало признание за ребенком права знать свое происхождение. Появление этого права в обороте юриспруденции не только поставило проблеме усыновления заметную порцию позитивного языка, но и привнесло в нее разумную «атмосферу открытости», касающуюся пожизненных следствий усыновления.

В отличие от категории личной идентичности, это право имеет более четкий юридический формат, что позволяет не подвергать смешению право усыновленного ребенка знать «кто он» (право на идентичность) и право на получение информации о своем происхождении (право знать свое происхождение).

Какого-либо глобального международно-правового документа, признающего за усыновленным ребенком право знать свое происхождение («право знать»), не существует. Появление этого «нового» детского права связано со ст. 7 и 8 Конвенции о правах ребенка, объединенных со ст. 2 этой же Конвенции о недопущении дискриминационных мер по отношению ко всем детям. Эта совокупность конвенционных норм стала опорной для признания за ребенком права знать. По оценкам аналитиков европейского права, именно статья 8 Конвенции, признанная наиболее гибкой нормой, заложила «подробный уровень защиты права на сохранение личности ребенка...

гарантируя “надлежащую помощь и защиту” в тех случаях, когда ребенок незаконно лишен некоторых или всех элементов своей личности, с целью скорейшего ее восстановления»³³.

Изначально предполагалось, что данная норма, кроме ее направленности против манипулирования индивидуальными идентичностями детей в целях поощрения расового и этнического превосходства путем насильственной ассимиляции детей неблагополучных этнических групп в доминирующую культуру, ориентирована только на процедуры по оспариванию отцовства и установлению отцовства, регулируемые уже действующим в государствах гражданским и семейным законодательством³⁴. Однако в практике ЕСПЧ было признано, что право знать свое происхождение нужно гораздо более широкому кругу лиц, не имеющих убедительных сведений или сомневающихся в собственной родословной и вынужденных терпеть определенную форму страдания, которое может оставить шрамы³⁵.

Мощь европейских прецедентов в признании за ребенком права знать свое происхождение дала основания считать, что право-защитный потенциал ЕСПЧ обеспечил роль посредника между нормами международного права и политико-правовым изобретением феномена детской индивидуальности в конкретных государствах³⁶. ЕСПЧ не единожды указал в своих постановлениях, что права личности, наилучшие интересы ребенка, забота о благополучии детей и право ребенка знать свое происхождение являются общими темами в судебной практике.

Не имея текстуального закрепления в нормах международного права и во внутреннем

³² Виништендаль С. Права детей и резильентность. Два плодотворных и взаимообогащающих подхода / Международное католическое бюро ребенка. Брюссель, 2012. С. 23.

³³ European Union Agency for Fundamental Rights and Council of Europe, 2015. P. 65. URL: <https://rm.coe.int/16805ab6fe>; Detrick S. A Commentary on the United Nations Convention on the Rights of the Child. The Hague: M. Nijhoff, 1999. P. 162, 165. URL: <https://www.researchgate.net/publication/233640246>; Doek J. Article 8: The Right to Preservation of Identity: A Commentary of the United Nations Convention on the Rights of the Child. 2006. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Article-8-%3A-the-right-to-preservation-of-identity-%3B-Doek/c52a4d7aa33295bbff90643202f7ee7f8d9a36a0> (дата обращения: 10.12.2021).

³⁴ Rotax H.-H. Zum Recht des Kindes auf Information über seine leiblichen Eltern und zum Recht der Eltern auf Information über tatsächliche Mutter- bzw. Vaterschaft // Praxis der Kinderpsychologie und Kinderpsychiatrie. 56 (2007) 2. S. 148–171. URL: [nbn:de:0111-opus-30468](https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0111-opus-30468) (дата обращения: 10.12.2021).

³⁵ ECtHR, Odièvre v. France [GC] (Одиевр против Франции [ГК]) от 13.02.2003. Жалоба No 42326/98. Особое мнение по делу. П. 8 (здесь и далее ссылки на практику ЕСПЧ даются по: URL: www.newlawjournal.co.uk/nlj/content/familyrevoking-adoptions (дата обращения: 10.11.2021)).

³⁶ Fortin J. Children’s Right to Know Their Origins — Too Far, Too Fast? // Quarterly Publication on Children’s and Family Law. 2009. Vol. 21. No 3. P. 340.

праве многих европейских государства, право ребенка знать свое происхождение (право знать своих предков, право на физическую истину, право на биологические секреты, право на знание личной культурно-генетической базы, право на раскрытие личности своих законных родителей и т.д.) носит характер интерпретируемого. Одни авторы не воспринимают это право в качестве легального³⁷, другие продолжают задаваться вопросом о том, существует ли вообще право лица знать о своем происхождении³⁸. Наиболее распространено суждение о том, что право знать свое происхождение вытекает из права личности на неприкосновенность частной жизни в соответствии со ст. 17 и 24 Международного пакта о гражданских и политических правах³⁹.

Аналогичной является и позиция ЕСПЧ, указавшего на то, что частная жизнь — это широкий термин, охватывающий сферу личной автономии, для которой невозможно дать однозначное определение⁴⁰. Опираясь на ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴¹, ЕСПЧ отметил, что право на уважение частной и семейной жизни защищает не только физическое пространство, но и беспрепятственное пользование определенным качеством жизни⁴². Ссылаясь на важность «среды с достаточной информацией, значимой для обеспечения наилучших интересов ребенка»,

Суд указал, что сбор информации, необходимой для подтверждения собственной личности, включается в понятие частной жизни лица⁴³.

Если говорить о России, то пока следов этого права нет ни в законодательстве, ни в текущей практике правоприменения. Нечасто в эту проблематику вмешивается и отечественная доктрина. Пока право ребенка знать свое происхождение больше воспринимается как данность⁴⁴, без проникновения в социальные и правовые сущности этого позитивного права, а потому остается представленным лишь на уровне лингвистического присутствия. В этом смысле зарубежная доктрина и практика ушли далеко вперед.

Как показывает анализ, проведенный Советом Европы в 2018 г., во многих странах право усыновленного быть осведомленным о своем истинном происхождении не только законодательно признано за ребенком, но и имеет подкрепление в виде участия государства в его реализации. Статистика выглядит позитивной, отражая тот факт, что в 14 государствах усыновленные имеют доступ к записям об усыновлении с 18 лет, в Болгарии, Германии, Нидерландах — с 16 лет, в Австрии и Венгрии с 14 лет. Еще ниже этот порог в Бельгии, Финляндии, Чехии — 12 лет, в Норвегии — 7 лет. В Эстонии⁴⁵, Франции, Словакии, Италии, Литве и Португалии доступ к этой информации открыт в зависимости от зрелости ребенка. Дания, Эстония и

³⁷ Fortin J. Op. cit. P. 345.

³⁸ Rotax H.-H. Op. cit.

³⁹ Detrick S. Op. cit. S. 145 ; Nowak M. UN Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary, 2nd edn. Kehl/ Strasbourg/Arlington : N. P. Engel, 2005. P. 432.

⁴⁰ ECtHR, Costello — Roberts v. The United Kingdom (Костелло — Робертс В. против Соединенного Королевства) от 25.03.1993. Жалоба № 13134/87, п. 36 ; Schuth v. Germany (Шютс против Германии) от 23.09.2010. Жалоба № 1620/03, п. 53 ; Fernandez Martinez v. Spain (Фернандес Мартинес против Испании) от 12.06.2014. Жалоба № 56030/07, п. 109 ; Denisov v. Ukraine (Денисов против Украины) от 25.09.2018. Жалоба № 76639/11, п. 95.

⁴¹ Принята 4 ноября 1950 г. в г. Риме (URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1637389497&tld> (дата обращения: 10.11.2021)).

⁴² ECtHR, Moreno Gómez v. Spain (Морено Гомес против Испании) от 16.11.2004. Жалоба № 4143/02, п. 53.

⁴³ ECtHR, Mifsud v. Malta (Мифсуд против Мальты) от 29.01.2019. Жалоба № 62257/15.

⁴⁴ Кириченко К. А. Право ребенка знать своих родителей в контексте вспомогательной репродукции человека: национальные и международные тенденции // Международное публичное и частное право. 2012. № 2. С. 5–9 ; Дорская А. А. Семейные ценности как предмет научной дискуссии: основные направления изучения семейного права в России на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2019. № 3. С. 31.

⁴⁵ Например, по Закону о семейном праве Эстонии с 2014 г. (§ 164) совершеннолетний усыновленный ребенок с согласия усыновителя или усыновленный ребенок, ставший взрослым, имеет право получить информацию в Совете социального страхования о факте усыновления. В статье 46 Закона Республики Молдова от 28.05.2010 № 99 «О правовом режиме усыновления» установлено, что приемный родитель обязан проинформировать ребенка о том, что он усыновлен, «как только его возраст и степень зрело-

Португалия принимают во внимание зрелость ребенка только при условии, что заинтересованные стороны зарегистрированы в специальном реестре для облегчения контактов и могут получить доступ к файлам об усыновлении⁴⁶. Долгое время удерживалось от предоставления усыновленным права доступа к информации Княжество Монако, где допустимо как полное (до 2018 г. «узаконивающее»), так и открытое усыновление. В 2019 г. на основе идеи о более пристальном внимании к интересам ребенка и о соответствии усыновления его частной жизни в нормы Гражданского кодекса были внесены поправки, гарантирующие усыновленному право «на доступ к биологическим истокам» при условии, что факт усыновления ему известен⁴⁷.

Остальным странам, пока не принявшим участие в реализации ребенком его права знать (Македония, Россия), надлежит повторно актуализировать тезис, произнесенный одним из членов рабочей группы по разработке европейской Конвенции об усыновлении 2008 г. Суть тезиса в том, что ребенок — это «полярная звезда», которая должна направлять компетентные органы в навигации по созвездию интересов усыновления, в котором ребенок является уязвимой стороной в процессе, проводимом взрослыми⁴⁸.

Заключение

Конструкция тайны усыновления как неотъемлемый элемент закрытого усыновления посте-

пенно утрачивает автономно-изолированный характер, становясь частью более крупного социального и правового порядка. Ее правозащитный эффект бесспорен, но это не означает оторванность тайны усыновления от всех иных событий, которые будут происходить в последующей жизни взрослого усыновленного. Это не является поводом для отвержения данной конструкции, выполняющей локальную конфиденциальную задачу, но служит основанием для ее нормативного сопряжения с новыми видами прав, которые открыты конвенционными нормами. При таком подходе ответ на ключевой вопрос о том, есть ли основания считать тайну усыновления мало актуальной конструкцией из прошлого законодательного поколения, будет однозначно отрицательным.

Неотъемлемой частью новых дискурсов, посвященных исследованию тайны усыновления, должны стать суждения об интеграции интересов усыновленного с его правом знать свое происхождение, с интересами усыновителей и «настоящих» родителей. Это на тот случай, если сами усыновители не захотели, не смогли или не сумели открыть ребенку правду о его происхождении. Если этого не произошло, то усыновленный, желая познать свою детскую историю, не должен оставаться один на один с юридическими барьерами. Преодолеть эти барьеры способно то состояние российского правопорядка, в котором права детей, чье родительство расщеплено, будут скоординированы с правом знать свое происхождение. Процесс не быстрый, но уже и не второстепенный.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белов В. А. Российское частное право: чем бы заняться, о чем бы написать? // Законодательство. — 2017. — № 6. — С. 33–50.
2. Виништендаль С. Права детей и резильентность. Два плодотворных и взаимообогащающих подхода / Международное католическое бюро ребенка. — Брюссель, 2012. — 57 с.
3. Дорская А. А. Семейные ценности как предмет научной дискуссии: основные направления изучения семейного права в России на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». — 2019. — № 3. — С. 27–41.

сти позволят это сделать» (URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30805555 (дата обращения: 10.12.2021)).

⁴⁶ URL: <https://fra.europa.eu/en/content/accessing-adoption-files-and-information-biological-family> (дата обращения: 10.12.2021).

⁴⁷ Law No 1.470 of June 17, 2019 Principality of Monaco on adoption // URL: <https://rosemont-int.com/ru/article/news/monaco-adoption-regulation> (дата обращения: 10.12.2021).

⁴⁸ Horgan C.-R. Session I — Children in the adoption process // Joint Council of Europe and European Commission Conference. Challenges in adoption procedures in Europe: Ensuring the best interests of the child. P. 11.

4. Иванова Н. А. К вопросу о тайне усыновления (удочерения) детей // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2019. — № 1 (126). — С. 109–111.
5. Кириченко К. А. Право ребенка знать своих родителей в контексте вспомогательной репродукции человека: национальные и международные тенденции // Международное публичное и частное право. — 2012. — № 2. — С. 5–9.
6. Ловцова Н. И. Профессионализация родительства: политика, теория и практика // Антропология профессий / отв. ред.: П. В. Романова, Е. Р. Ярская-Смирнова. — Саратов : Научная книга, 2005. — С. 432–461.
7. Телюкина М. В., Куликов Е. С. Тенденция ограничения применения института тайны усыновления // Законодательство. — 2019. — № 2. — С. 43–55.
8. Темникова Н. А. Государственная регистрация усыновления (удочерения) в свете перехода к открытому усыновлению // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2013. — № 2 (35). — С. 92–97.
9. Щенникова Л. В. Институт тайны усыновления ребенка: проблемы и решения // Наследственное и семейное право: теория и правоприменительная практика : материалы Международной научно-практической конференции. — Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2015. — С. 351–355.
10. Beauchesne L. M. As if born for: The social construction of a position of scarce identity for adopted persons (dissertation of D. S. V.). — Wilfrid Laurier University, 1997. — 306 p. — URL: <https://scholars.wlu.ca/etd/213/> (дата обращения: 20.11.2021).
11. Bueren V. G. Children's access to adoption records: State discretion or an enforceable international right // *Modern Law Review*. — 1995. — № 58. — P. 37–53. — URL: <https://www.jstor.org/stable/1096370> (дата обращения: 20.11.2021).
12. Carsten J. Connections and Disconnections of Memory and Kinship in Narratives of Adoption Reunions in Scotland // In *Ghosts of Memory: Essays on Remembrance and Relatedness* / Ed. by J. Carsten. — Oxford : Blackwell, 2007. — P. 421–422. — URL: <https://edinburgh.academia.edu/JanetCarsten> (дата обращения: 20.11.2021).
13. Cerda S. J. The Draft Convention on the Rights of the Child: New Rights // 12 HUM. RTS, 1990. — URL: <https://www.jstor.org/stable/762169?origin> (дата обращения: 20.11.2021).
14. Clapton J. Family stories and family secrets: Recent discoveries. — 2021. — URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1640244222&tld=ru&lang=en&name> (дата обращения: 20.11.2021).
15. Dambach M., Maurin C. The child's consultation and consent in adoption // Joint Council of Europe and European Commission Conference. Challenges in adoption procedures in Europe: Ensuring the best interests of the child. 30 November — 1 December 2009. — Strasbourg, Palais de l'Europe.
16. Detrick S. A Commentary on the United Nations Convention on the Rights of the Child. — The Hague : M. Nijhoff, 1999. — URL: <https://www.researchgate.net/publication/233640246> (дата обращения: 20.11.2021).
17. Diver A. Law of Blood-ties — The 'Right' to Access Genetic Ancestry. — Cham, Heidelberg, New York, Dordrecht, London : Springer, 2014. — URL: <https://www.corteidh.or.cr/tablas/r32694.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).
18. Doek J. Article 8: The Right to Preservation of Identity: A Commentary of the United Nations Convention on the Rights of the Child. 2006. — URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Article-8-%3A-the-right-to-preservation-of-identity-%3B-Doek/c52a4d7aa33295bbff90643202f7ee7f8d9a36a0> (дата обращения: 20.11.2021).
19. Erickson E. H. Youth Identity and Crisis. — New York — London, 1968.
20. European Union Agency for Fundamental Rights and Council of Europe, 2015. — URL: <https://rm.coe.int/16805ab6fe> (дата обращения: 20.11.2021).
21. Fortin J. Children's Right to Know Their Origins — Too Far, Too Fast? // Quarterly Publication on Children's and Family Law. — 2009. — Vol. 21. — № 3. — P. 336–355. — URL: <https://www.researchgate.net/publication/228236224> (дата обращения: 20.11.2021).
22. Grotevant H. D. Family processes, identity development and behavioral outcome for adopted adolescents // *Journal of Adolescent Research*. — 1997. — № 12. — P. 139–161. — URL: <https://doi.org/10.1177/0743554897121008> (дата обращения: 20.11.2021).

23. Holden L. The Open Way of Open Adoption: Helping Your Child Grow Up Healthy. — Rowman & Littlefield Publishing, 2013. — 228 p. — URL: <https://rowman.com/ISBN/9781442217393/> (дата обращения: 20.11.2021).
24. Horgan C.-R. Session I — Children in the adoption process // Joint Council of Europe and European Commission Conference. Challenges in adoption procedures in Europe: Ensuring the best interests of the child. 30 November — 1 December 2009. — Strasbourg, Palais de l'Europe.
25. Lowe N. & Douglas G. Bromley's family law. — Oxford : Oxford University Press, 2007. — URL: <https://www.researchgate.net/publication/277016340> (дата обращения: 20.11.2021).
26. Melosh B. Strangers and kin: The American way of adoption. — Harvard University Press, 2002.
27. Mignot J.-F. Child Adoption in Western Europe, 1900–2015 // *Clometrics of the Family*, 2019.
28. Nowak M. UN Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary. — 2nd edn. — Kehl/Strasbourg/Arlington : N. P. Engel, 2005. — URL: <https://www.researchgate.net/publication/298216493> (дата обращения: 20.11.2021).
29. Riley H. Confronting the conspiracy of silence and denial of difference for late discovery adoptive persons and donor conceived people // *Australian Journal of Adoption*. — 2013. — № 7. — P. 1–13.
30. Rushbrook R. The proportion of adoptees who received birth records in England and Wales, Population Trends (104). — UK Office of National Statistics, 2001.
31. Robertson K. C. Attachment and care-giving behavioral systems in intercountry adoption: A literature review // *Children and Youth Services Review*. — 2006. — 28 (7). — P. 727–740. — URL: <https://ideas.repec.org/a/eee/cysrev/v28y2006i7p727-740.html> (дата обращения: 20.11.2021).
32. Rotax H.-H. Zum Recht des Kindes auf Information über seine leiblichen Eltern und zum Recht der Eltern auf Information über tatsächliche Mutter- bzw. Vaterschaft // *Praxis der Kinderpsychologie und Kinderpsychiatrie*. — 2007. — № 56. — S. 148–171.
33. Sants H. J. Genealogical perplexity in children with substitute parents // *Br J. Med Psychol*. — 1964. — Vol. 37. — P. 133–142. — URL: <https://bpspsychub.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.2044-8341.1964.tb01981.x> (дата обращения: 20.11.2021).
34. Selman P. The rise and fall of international adoption in the 21st century // *International Social Work*. — 2009. — № 52 (5). — P. 575–594. — URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-rise-and-fall-of-intercountry-adoption-in-the-Selman/42fcc8a9bf514d7bf36ec492d4ed3c81da3d8ced> (дата обращения: 20.11.2021).
35. Zermatten J. Implementation handbook for the convention on the rights of the child. Completely revised third edition. — United Nations Children's Fund, 2007. — 787 p. — URL: <https://www.unicef.org/lac/media/22071/file/Implementation%20Handbook%20for%20the%20CRC.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).

Материал поступил в редакцию 28 декабря 2021 г.

REFERENCES

1. Belov VA. Rossiyskoe chastnoe pravo: chem by zanyatsya, o chem by napisat? [Russian Private Law: Determining Research Profile]. *Zakonodatel'stvo*. 2017;6:33-50 (In Russ.).
2. Vinishtendal S. Prava detey i rezilientnost. Dva plodotvornykh i vzaimoobogashchayushchikh podkhoda [Children's rights and resilience. Two fruitful and mutually enriching approaches]. International Catholic Child Bureau. Brussels; 2012 (In Russ.).
3. Dorskaya AA. Semeynye tsennosti kak predmet nauchnoy diskussii: osnovnye napravleniya izucheniya semeynogo prava v Rossii na sovremennom etape [Family values as a subject of scientific discussion: Main Directions of Studying Family Law in Russia at the Present Stage]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*. 2019;3:27-41 (In Russ.).
4. Ivanova NA. K voprosu o tayne usynovleniya (udochereniya) detey [On the Question of the Secrecy of Adoption of Children]. *Bulletin of Saratov State Law Academy*. 2019;1(126):109-111 (In Russ.).
5. Kirichenko KA. Pravo rebenka znat svoikh roditeley v kontekste vspomogatelnoy reproduksii cheloveka: natsionalnye i mezhdunarodnye tendentsii [The right of a child to know his parents in the context of assisted human reproduction: national and international trends]. *International Public and Private Law*. 2012;2:5-9 (In Russ.).

6. Lovtsova NI. Professionalizatsiya roditelstva: politika, teoriya i praktika [Professionalization of parenthood: policy, theory and practice]. In: Romanov PV, Yarskaya-Smirnova ER, editors. Anthropology of professions. Saratov: Nauchnaya kniga Publ.; 2005 (In Russ.).
7. Telyukina MV, Kulikov ES. Tendentsiya ogranicheniya primeneniya instituta tayny usynovleniya [Limiting Legal Effect of Closed Adoption]. *Zakonodatel'stvo*. 2019;2:43-55 (In Russ.).
8. Temnikova NA. Gosudarstvennaya registratsiya usynovleniya (udochereniya) v svete perekhoda k otkrytomu usynovleniyu [Civil Registration of Adoption in the Light of the Conversion to the Open Adoption]. *Herald of Omsk University. Series "Law"*. 2013;2(35):92-97 (In Russ.).
9. Shchennikova LV. Institut tayny usynovleniya rebenka: problemy i resheniya [Institute of the Secret of Child Adoption: problems and solutions]. In: Inheritance and Family Law: Theory and Law Enforcement Practice: *Proceedings of the International Scientific And Practical Conference*. Stavropol: North Caucasus Federal University Publ.; 2015 (In Russ.).
10. Beauchesne LM. As if born for: The social construction of a position of scarce identity for adopted persons (dissertation of D. S. V.). Wilfrid Laurier University; 1997. Available at: <https://scholars.wlu.ca/etd/213/> (accessed: 20.11.2021).
11. Bueren VG. Children's access to adoption records: State discretion or an enforceable international right. *Modern Law Review*. 1995;58:37-53. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1096370> (accessed: 20.11.2021).
12. Carsten J. Connections and Disconnections of Memory and Kinship in Narratives of Adoption Reunions in Scotland. In: Carsten J, editor. Ghosts of Memory: Essays on Remembrance and Relatedness. Oxford : Blackwell; 2007. Available at: <https://edinburgh.academia.edu/JanetCarsten>.
13. Cerda SJ. The Draft Convention on the Rights of the Child: New Rights, 12 HUM. RTS, 1990. Available at: <https://www.jstor.org/stable/762169?origin> (accessed: 20.11.2021).
14. Clapton J. Family stories and family secrets: Recent discoveries. 2021. Available at: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1640244222&tld=ru&lang=en&name> (accessed: 20.11.2021).
15. Dambach M, Maurin C. The child's consultation and consent in adoption. Joint Council of Europe and European Commission Conference Challenges in adoption procedures in Europe: Ensuring the best interests of the child 30 November — 1 December 2009. Strasbourg, Palais de l'Europe.
16. Detrick S. A Commentary on the United Nations Convention on the Rights of the Child. The Hague : M. Nijhoff, 1999. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/233640246> (accessed: 20.11.2021).
17. Diver A. Law of Blood-ties — The 'Right' to Access Genetic Ancestry. Cham, Heidelberg, New York, Dordrecht, London : Springer, 2014. Available at: <https://www.corteidh.or.cr/tablas/r32694.pdf> (accessed: 20.11.2021).
18. Doek J. Article 8: The Right to Preservation of Identity: A Commentary of the United Nations Convention on the Rights of the Child. 2006. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Article-8-%3A-the-right-to-preservation-of-identity-%3B-Doek/c52a4d7aa33295bbff90643202f7ee7f8d9a36a0> (accessed: 20.11.2021).
19. Erickson EN. Youth Identity and Crisis. New York — London; 1968. Available at: <https://www.academia.edu/37327712> (accessed: 20.11.2021).
20. European Union Agency for Fundamental Rights and Council of Europe; 2015. Available at: <https://rm.coe.int/16805ab6fe> (accessed: 20.11.2021).
21. Fortin J. Children's Right to Know Their Origins — Too Far, Too Fast? *Quarterly Publication on Children's and Family Law*. 2009;21(3):336-355. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/228236224> (accessed: 20.11.2021).
22. Grotevant HD. Family processes, identity development and behavioral outcome for adopted adolescents. *Journal of Adolescent Research*. 1997;12:139-161. Available at: <https://doi.org/10.1177/0743554897121008> (accessed: 20.11.2021).
23. Holden L. The Open Way of Open Adoption: Helping Your Child Grow Up Healthy. Rowman & Littlefield Publishing; 2013. Available at: <https://rowman.com/ISBN/9781442217393/> (accessed: 20.11.2021).
24. Horgan CR. Session I — Children in the adoption process. Joint Council of Europe and European Commission Conference Challenges in adoption procedures in Europe: Ensuring the best interests of the child 30 November — 1 December 2009. Strasbourg, Palais de l'Europe.
25. Lowe N, Douglas G. Bromley's family law. Oxford; Oxford University Press; 2007. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/277016340> (accessed: 20.11.2021).
26. Melosh B. Strangers and kin: The American way of adoption. Harvard University Press; 2002. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper> (accessed: 20.11.2021).

27. Mignot J-F. Child Adoption in Western Europe, 1900–2015. *Clometrics of the Family*; 2019.
28. Nowak M. UN Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary. 2nd edn. Kehl/Strasbourg/Arlington: N. P. Engel; 2005. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/298216493> (accessed: 20.11.2021).
29. Riley H. Confronting the conspiracy of silence and denial of difference for late discovery adoptive persons and donor conceived people. *Australian Journal of Adoption*. 2013;7:1-13.
30. Rushbrook R. The proportion of adoptees who received birth records in England and Wales, Population Trends (104). UK Office of National Statistics; 2001.
31. Robertson KC. Attachment and care-giving behavioral systems in intercountry adoption: A literature review. *Children and Youth Services Review*. 2006;28(7):727-740. Available at: <https://ideas.repec.org/a/eee/cysrev/v28y2006i7p727-740.html> (accessed: 20.11.2021).
32. Rotax HH. Zum Recht des Kindes auf Information über seine leiblichen Eltern und zum Recht der Eltern auf Information über tatsächliche Mutter- bzw. Vaterschaft. *Praxis der Kinderpsychologie und Kinderpsychiatrie*. 2007;56:148-171 (In Germ.).
33. Sants HJ. Genealogical perplexity in children with substitute parents. *Br J. Med Psychol*. 1964;37:133-142. Available at: <https://bpspsychub.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.2044-8341.1964.tb01981.x> (accessed: 20.11.2021).
34. Selman P. The rise and fall of international adoption in the 21st century. *International Social Work*. 2009;52(5):575-594. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-rise-and-fall-of-intercountry-adoption-in-the-Selman/42fcc8a9bf514d7bf36ec492d4ed3c81da3d8ced> (accessed: 20.11.2021).
35. Zermatten J. Implementation handbook for the convention on the rights of the child. Completely revised third edition. United Nations Children's Fund; 2007. Available at: <https://www.unicef.org/lac/media/22071/file/Implementation%20Handbook%20for%20the%20CRC.pdf> (accessed: 20.11.2021).